

Покотилова О. Предшественники Ломоносова в русской поэзии XVII и начала XVIII столетий // М.В.Ломоносов. Сборник статей под ред. В. В. Сиповского. СПб., 1911. С.66-92.

Сазонова Л. И. Поэзия государственных идеалов. Панегирическая топка // Поэзия русского барокко (второй половины XVII – начала XVIII века). М., 1991. С.122-161.

Тресиддер Дж. Словарь символов. М., 1999.

Эмблемы и символы / Вступ. ст., коммент. А.Е.Махова. М., 2000. .

Энциклопедия символов / Сост. В.М.Рошаль. М., СПб., 2007.

Державин Г. Р. Сочинения / Сост., биограф. очерк и коммент. И.И.Подольской. М., 1985.

Ломоносов М. В. Полное собрание сочинений в 11-ти т. Т. 8. М.; Л., 1959.

Поэты XVIII века: в 2-х т. Поэты 1750-1770-х годов. Т.1 / Сост. Г.П.Макогоненко, И.З.Сермана. Л., 1972.

Поэты XVIII века: в 2-х т. Поэты 1780-1790-х годов. Т.2. / Сост. Г.П.Макогоненко, И.З.Сермана. Л., 1972.

Русская литература, Век XVIII. Лирика / Сост., подгот. текстов и коммент. Н.Кочетковой, Е.Кукушкиной, К.Лаппо-Данилевского и др. М., 1990.

Е.А.Аликова

Казань, Казанский (Приволжский) федеральный университет

Феномен лирического сознания в элегиях русских женщин-поэтов конца XVIII – начала XIX веков

Лирическое сознание в конце XVIII – начале XIX веков в русской литературной культуре переживает необыкновенный взлет. Особая страница принадлежит русской женской поэзии, в которой лирическое сознание проявляется на разных уровнях: идейно-философском, образно-тематическом, жанрово-тематическом. Мы сосредоточимся на жанрово-тематическом уровне, на примере такого широко распространенного в то время жанра, как «элегия».

В женской поэзии конца XVIII – начала XIX веков элегия была одним из центральных по значимости жанров. Частое обращение к ним писательниц можно рассматривать не только как следствие популяризации поэзии Юнга, Грея, но и как подсознательный шаг, объяснимый природной склонностью женщин к выражению своих жалоб, тайных страданий, любовных мук.

Опираясь на образы, мотивно-тематический уровень, стилевые особенности, большую часть элегий женщин-поэтов конца XVIII – начала XIX ве-

ков можно отнести к ранней форме сентименталистского романа, назвать их его своеобразной вариацией¹. Яркие образцы такой разновидности элегии оставили М.В.Зубова, Н.П.Сумарокова, Е.А.Княжнина. В их произведениях мы обнаруживаем, к примеру, такие особенности, свойственные сентименталистскому роману: «...бессюжетный лирический монолог, обращенный к предмету любовных переживаний. Чувствительные любовные излияния, страстные признания, жалобы, обращенные к любимым, изображение горести разлуки и т.д. ...» [Новикова 1982: 34].

Особое внимание Княжниной, Сумароковой, Зубовой и целого ряда поэтов конца XVIII – начала XIX веков к теме любви во многом объясняется общей тенденцией в литературе. Кроме того, направленность в творчестве могла быть сформирована и писателями-наставниками, и через круг чтения, который определялся, как «литература нежных чувств» [Степина 1996: 31]. Важно и то, что «Любовь для женщины XVIII века была господствующей стихией, почти единственным нравственным смыслом ее бытия» [Улюра 2001: 63].

Любовь, изображенная в элегиях Княжниной, Сумароковой, чаще всего проявляет себя как губительная, разрушительная сила. Она доставляет героям не только страдания, но и делает их подвластными чувству, превращая их свободу в неволю. Не случайно, к примеру, героиня элегии Княжниной называет возлюбленного «хищником вольности» (см.: «Тщетно я скрываю сердца скорби люты...» [Предстательницы 1998: 41]).

Элегии Княжниной, Сумароковой, Зубовой зачастую строятся на анти-тезе, которая возникает за счет включения в произведения мотива воспоминаний о прежних счастливых днях. Противопоставляется «жизнь драгая» («век драгой», «время забав»), полная надежды, покоя, веселья – и «жизнь другая», которая характеризуется лишением свободы, радостей и душевного спокойствия. Жизнь героев делится на «до» и «после» расставания:

---

¹ Именно элегии-«предтечи» сентименталистского романа и являются объектом нашего исследования. На наш взгляд, именно в них лирическое сознание женщин-поэтов рассматриваемого нами периода отражено наиболее полно и интересно.

Как я с тобою был, приятен был тот час,
Но то скончалось и скрылось от нас.

(Е.Княжниной. «О ты, которая всегда меня любила...»)
[Предстательницы 1998: 42]

Несчастливые герои элегий Княжниной, Сумароковой, как правило, живут прошлым, поэтому и звучат так часто обращенные к возлюбленной/возлюбленному призывы героя / героини вспомнить прошлое, погрузиться в воспоминания и одновременно с этими призывами сочетается абсолютная уверенность героя / героини в том, что возлюбленная / возлюбленный уже забыли ее, а чувства угасли. Так появляется мотив безнадежно утраченных чувств: «Где радости мои! Где страсть твоя девалась? / Прошли, и век ко мне обратно не придут» (см. элегию Е.Княжниной «Сокрылись те часы, как ты меня искала...» [Предстательницы 1998: 37]).

Вопреки безответному чувству, герой / героиня остаются под властью страсти, любви. В элегиях неоднократно упоминаются пленные чувства, мысли, ум героев. Страсть, которая нередко упоминается в произведениях, несет в себе злое начало (героиня элегии Екатерины Княжниной «Тщетно я скрываю сердца скорби люты...» называет себя «вспаленной страстию презлою» [Предстательницы 1998: 41])¹, причиняет героям боль.

Любовь, изображенная как взаимное чувство, также сопряжена с глубокими и мучительными страданиями. Героев что-то или кто-то разлучает, говорится об обстоятельствах или сопернице-разлучнице:

Ах, прости, прости, любезной!
Разлучили нас с тобой!

(М.Зубова. «Я в пустыню удаляюсь...»)
[Предстательницы 1998: 31]

Однако чаще всего герой / героиня считает виновницей разлуки жестокий рок, поэтому песни очень часто содержат в себе сетования влюбленной/влюбленного на повороты в судьбе² (к примеру, в элегии Княжниной

¹ Недоброе значение, которое принимает «страсть» в произведениях связано с происхождением слова, на которое обратила внимание Зацепина: «Слово *страсть* этимологически связано со словами *страдание* и *страх*» [Зацепина 2007: 89].

² Стоит отметить, что в XVIII столетии к Судьбе вообще относились с особым вниманием: «Вера в предопределение, судьбу, заранее предрешавшую на ком остановиться сердцу, представляла идею фикс де-вушки того времени...» [Улюра 2001: 63].

«Мы друг друга любим, что ж нам с тобою?» читаем: «Жизнь мою приятну пременил рок в злую...» [Предстательницы 1998: 39]), несмотря на то, что борьба с судьбой напрасна:

Можно ль двум сердцам несчастным
Воспротивиться судьбе?

(Н.Сумарокова. «Песня на голос: «Для того ль я дожидалась?»)
[Предстательницы 1998: 106]

Обреченность возлюбленных, их любовной истории порождает мотив вечной разлуки, который, в свою очередь, объединяет сентименталистские романсы Марии Зубовой, Натальи Сумароковой, Екатерины Княжниной:

Мы с тобой, драгая, вечно разлученны...

(Е.Княжнина. «Мы друг друга любим, что ж нам с тобою?»)
[Предстательницы 1998: 39]

...Пособить не можно нам,
Коль несчастны мы судьбою
И противны небесам.

(М.Зубова. «Я в пустыню удаляюсь...»)
[Предстательницы 1998: 31]

Так! Надежды нет нам боле!..
И на что нам уповать?

(Н.Сумарокова. «Песня на голос: «Для того ль я дожидалась?»)
[Предстательницы 1998: 106]

Нередок в элегиях мотив соблазнения, в котором обвиняется коварная возлюбленная героя или возлюбленный героини. С мотивом соблазнения тесно связан мотив обмана, лести, который, к примеру, пронизывает большую часть элегий Княжниной. В элегии «В какой мне вредный день, ты в том меня уверил...» героиня обвиняет разлучницу в том, что она лестью соблазнила возлюбленного. Мысли об обмане нередко просто преследуют героев песен, что приводит к мысли о возможной измене, иногда это оказываются пустые подозрения и герой сам обвиняет себя в ревности (см.: «Позабудь дни жизни сей...» Е.Княжниной).

Элегии женщин-поэтов рассматриваемого нами периода отражают целый ряд напряженных, тяжелых эмоциональных состояний героев. И.Баженова, анализируя художественную прозу конца XVIII – начала XIX столетий, приходит к такому выводу: «...Типичными для женщин эмоцио-

нальными состояниями являются **стыд / смущение; страх / ужас; тоска / грусть; любовь / радость**» [Баженова 2002: 56]. Некоторые из них проявляются и в элегиях женщин-поэтов рассматриваемого нами периода. Так, широко распространенными являются стыд / смущение; тоска / грусть.

Тоска / грусть является привычным состоянием, которое переживают героини песен Княжниной, хотя говорит о нем, как правило, влюбленный: «Все плачу и грущу; моей то жизни свойство» (см.: «О ты, которая всегда меня любила...» Е.Княжниной [Предстательницы 1998: 42]).

Стыд / смущение испытывают робкие героини, которые боятся заявить о своих чувствах, или «открыться», как говорит в элегии «Тщетно я скрываю сердца скорби люты...» героиня Е.Княжниной: «...При тебе смущаюсь, без тебя крушусь, / Что не знаешь, сколько ты мне мил; / Стыд из сердца выгнать страсть мою стремится, / А любовь стремится выгнать стыд...» [Предстательницы 1998: 41]. Тяжелое, подавленное эмоциональное состояние героини усугубляется здесь и появлением конфликта разума и сердца, поэтому героиня не может принять окончательное решение: «...И хочу открыться, и стыжусь...» (см.: [Предстательницы 1998: 41]).

Смущение, робость испытывает не только автогероиня, но и герой – влюбленный юноша: «Но быв с тобой, робею / И речь начать боюсь; / Взор встретить твой не смею, / Вдыхаю и томлюсь» (Н.Сумарокова, «Песня на голос: «Поля, леса густые» [Предстательницы 1998: 107]).

На смену состояния смущения иногда приходит (как результат проявления состояния глубокого отчаяния) смелый протест против сложившихся обстоятельств, поворотов судьбы, порождающий греховные мысли – желание кончины:

Луч отрады и блаженства

Навсегда для нас исчез.

Он исчез... Что ж нам осталось?

Нам осталось лишь терпеть...

Нет! Взнесясь превыше рока,

Презря бедства, умереть!

(Н.Сумарокова. «Песня на голос: «Для того ль я дожидалась?»)

[Предстательницы 1998: 106]

С тобою разлучаясь,
Во гроб я нисхожу.

(Н.Сумарокова. «Песня на голос: «Поля, леса густые»)

[Предстательницы 1998: 108]

Эмоциональное состояние героя / героини песен женщины-поэты нередко передают с помощью вариаций главного образа «сердце». «Сердце рвется, страждет и горит», – так, к примеру, описывает свое состояние героиня Е.Княжниной (см.: [Предстательницы 1998: 41]). Для женской поэзии этого периода образ сердца особенно значим, поскольку он выполняет одну из самых важных функций – позволяет в завуалированном виде передать движения души влюбленной героини.

Материал нашего исследования и проведенный анализ позволил нам сделать следующие выводы:

- Элегия-романс – форма, которая наиболее частотна в женской поэзии конца XVIII – начала XIX столетий – позволила стихотворицам наиболее утонченно, проникновенно передать весь мир эмоций и переживаний, предельно отразить эмоциональное состояние автогероини, в особой манере раскрыть ее внутренний мир.
- Элегии Княжниной, Сумароковой, Зубовой особо выделяются на фоне других произведений-вариаций сентименталистского романа женщин-поэтов конца XVIII – начала XIX столетий благодаря общим моментам – характерным для романа мотивам¹, элегической тональности, драматизму, акцентированию внимания на эмоциональном состоянии, переживаниях героя/героини. Элегии-романсы Е.Княжниной и Н.Сумароковой нередко написаны от лица мужчины, соответственно в центре находится влюбленный юноша, а не автогероиня, как это широко распространено в лирике женщин-поэтов эпохи сентиментализма. Кроме того, элегии Княжниной, Сумароковой, Зубовой интересны также тем, что содержат в себе признаки такого жанра, как «стихотворная молитва».

¹ С.С.Яницкая к специфическим мотивам романа относит, например, следующие: верность и преданность в любви; жертвенность со стороны любящего; любовь «до гроба»; преклонение перед избранницей; любовь как возвышенное и духовно возвышающее чувство; память-забвение [Яницкая 2007: 25].

- Любовь – главная тема элегий женщин-поэтов рассматриваемого нами периода – чаще всего предстает в двух вариантах:
  - как безответное чувство, проявляющееся в тайных вздыханиях (ощущение преграды, робость становятся непреодолимым препятствием для героя);
  - как взаимное, глубокое, сильное чувство, которое вынуждено испытывать своеобразную проверку на прочность (вторгаются: рок/соперница/обстоятельства).

Литература

Баженова И.С. Обозначение экспрессии эмоций женщин (На материале художественной прозы XVIII – XX вв.) // Гендер: язык, культура, коммуникация: доклады Второй международной конференции, Москва, 22-23 ноября 2001. М., 2002. С.55-60.

Зацепина К.Д. Поэтика идиллий А.А.Ржевского // Русская речь. 2007. № 3. С.88-94.

Новикова А.М. Русская поэзия XVIII – первой половины XIX в. и народная песня: Учеб. пособие по спецкурсу для студентов пед. ин-тов по спец. № 2101 «Рус. яз. и лит.». М., 1982.

Предстательницы муз: русские поэтессы XVIII века / Сост.: Ф.Гёпферт, М.Файнштейн. Wilhelmshorst, 1998.

Степина Н.А. Воспитание молодой дворянки в начале XIX века // Русская словесность. 1996. № 3. С.31-36.

Улюра А.А. Век восемнадцатый: «новое издание русской женщины, несколько дополненное и исправленное...» // Российские женщины и европейская культура: материалы V конференции, посвящённой теории и истории женского движения / Сост. и отв. ред. Г.А.Тишкин. СПб., 2001. С.56-66.

Яницкая С.С. О зарождении романа в русской поэзии XVIII века // Проблемы изучения русской литературы XVIII века: Межвузовск. сб. науч. трудов. Самара, 2007. Вып.13. С.20-30.

Л.К.Ишкиняева, Л.А.Сапченко

Ульяновск, Ульяновский государственный университет

Рукописные журналы А.И.Панаева и С.Т.Аксакова

и жанровая традиция XVIII столетия

Все наследие С.Т.Аксакова пронизано связями с XVIII веком. Многочисленные авторские упоминания о книгах, журналах эпохи его детства дают разнообразную картину литературных стилей и жанров. Знакомство с журналами того времени, чтение русской и переводной литературы, окружение замечательными людьми, любовь к театру – все это сформировало молодого